

АЛТА

ОДНА В СЕРДЦЕ
РЕЙХА ПРОТИВ
МАШИНЫ
СМЕРТИ

ЩИТ И МЕЧ ОТЧИЗНЫ
РАССЕКРЕЧЕННЫЕ
ДЕЛА ГРУ

СЕРГЕЙ ДАВИДЕНКО
ОЛЕГ РОЙ

**Сергей Давиденко
Олег Юрьевич Рой**

**Альта. Одна в сердце рейха
против машины смерти
Серия «Щит и меч Отчизны.
Рассекреченные дела ГРУ»**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74025202

Альта:

ISBN 978-5-04-247106-3

Аннотация

Шпионский триллер, основанный на реальных событиях. Все имена и факты соответствуют действительности и взяты из недавно рассекреченных архивов ГРУ.

БЕРЛИН, 1942.

Город под чёрным небом войны. Здесь каждый шёпот может стоить жизни, каждая встреча – последняя, каждое слово записывают в досье.

Ильзе Штёбе – журналистка с безупречной репутацией, частый гость в салонах дипломатов и чиновников Рейха. Рудольф фон Шелия – аристократ из старинного рода, человек с доступом к самым секретным планам Гитлера. Между ними – деньги, встречи в тени, записки на клочках бумаги, спрятанные среди монет.

На самом деле за этими встречами скрывается шпионаж. Тот, что может изменить ход войны. Тот, за который платят жизнью.

Ильзе – советская разведчица под псевдонимом «Альта», резидент легендарной сети «Красная капелла». Фон Шелия – её главный источник, не подозревающий, на кого работает. Карл Хельфрих – журналист, жених Ильзе, человек, ради которого она была готова на всё. Но день их помолвки превращается в начало конца.

Тюрьма Плётцензее. Одиннадцать гробов в коридоре. Гильотина за чёрными шторами. И женщина, которая идёт навстречу смерти, не произнеся ни одного имени...

Цена её молчания – жизнь.

Содержание

10 сентября 1942 года. Берлин	6
12 сентября 1942 года. Берлин	11
В тот же день. Берлин	25
1930-е годы. Германия	30
14 сентября 1942 года. Берлин	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Сергей Давиденко, Олег Рой

Альта

*...Нравственность разведчика состоит в том,
чтобы обеспечить безопасность страны и не
нанести вреда ценному агенту...*

Лев Баусин, ветеран советской внешней разведки

© Авторы: Рой О., Давиденко С., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

10 сентября 1942 года. Берлин

Встреча с агентом

Смеркалось. Этому способствовало не только вязкое покрывало осеннего вечера, стремительно накрывающее город, но и затемненные окна домов – сквозь маскировочные шторы наружу не просачивался ни один лучик света. И хотя в этом году налеты на Берлин были редкими, указания властей соблюдать меры предосторожности соблюдались неукоснительно.

Набухшие влагой тучи быстро заволокли небо, превращая его в безбрежный океан, серый и унылый. Несмотря на то что осень едва началась, почти всю неделю стояла ненастная погода. Промозглый ветер гонял по стылому асфальту пожелтевшие листья, заставляя людей убыстрять шаг и плотнее кутаться в пальто.

Поправив шляпку, высокая женщина лет тридцати озабоченно посмотрела на пасмурное небо, словно опасаясь внезапного дождя. Густые каштановые волосы обрамляли ее спокойное лицо, серые глаза излучали уверенность.

Выйдя на перекресток, она пропустила военный автобус и перешла на другую улицу. Внимание незнакомки было сосредоточено на книжном киоске, расположенном на углу рядом с бакалейной лавкой. Судя по всему, он уже закрывался,

и женщина прибавила шаг. Спустя минуту она стояла возле крохотной будки, витрины которой были сплошь заставлены книгами и журналами.

– Добрый вечер ¹, – улыбаясь, поздоровалась женщина с продавцом.

Это был плотный мужчина лет пятидесяти с редкими седеющими волосами. Его глубоко запавшие глаза равнодушно скользнули по запоздавшей клиентке.

– Мы уже закрываемся, – не слишком приветливо отозвался он и почесал массивный подбородок. – Что вы хотели?

– «Фраун Варте» ². Свежий номер есть?

Продавец кивнул и полез за прилавок. Пока он доставал журнал, женщина сунула руку в поношенную сумочку-ракушку, доставая мелочь.

– Погода сегодня дрянь, – заметил мужчина. Он наконец нашел на полке нужный журнал и протянул его покупательнице.

– Погода и правда прохладная, – кивнула она. – Но ей нет

¹ Здесь и далее – разговор на немецком (*прим. автора*).

² «Национал-социалистический женский журнал» – нацистский журнал для женщин, издававшийся в Германии. Впервые опубликован в 1934 году, выходил раз в две недели. Имел статус единственного одобренного партией НСДАП журнала для женщин. Служил пропагандистским целям, в частности поддерживал образцовую роль домохозяйки и матери. В журнале публиковали статьи на такие темы, как роль женщин в нацистском государстве, образование молодежи, важность игр для детей. Прекратил свое издание в 1945 году.

дела до наших желаний. Главную погоду для себя создает сам человек.

Она протянула продавцу монетки, и тот ухмыльнулся, обнажая крепкие желтые зубы.

– Все точно, без сдачи, – добавила женщина, убирая журнал в сумочку.

– И все равно, без зонта сейчас ходить весьма легкомысленно, – сказал тот.

– Всего хорошего, – попрощалась она и, развернувшись, быстро пошла прочь.

Продавец вздохнул и, разжав мозолистую ладонь, взглянул на клочок бумаги, который лежал среди поблескивающих монет. Он был сплошь исписан красивым бисерным почерком.

– Смелая девочка, – пробормотал он, пряча обрывок в карман. – Пусть Господь даст тебе сил в твоём деле. Да и мне тоже...

Между тем женщина продолжала идти по улице. Теперь её маршрут лежал в сторону трамвайной остановки, на которой было совершенно пусто. Первая холодная капля упала на руку, и она машинально спрятала её в карман шерстяного пальто.

«Без зонта сейчас ходить весьма легкомысленно», – вспомнила она слова седеющего продавца, и её тонкие губы тронула легкая улыбка.

Когда подошел трамвай, редкие капли превратились в морось, и женщина с нетерпением вскочила в салон. Не считая молодой пары, которая о чем-то тихо переговаривалась, в трамвае больше никого не было.

К тому времени город уже окончательно поглотили пронизывающие сумерки, окна иссекали стрелы дождя. Лицо незнакомки сделалось задумчивым, серые глаза подернулись пеленой воспоминаний. Погруженная в размышления, она не заметила, как трамвай обогнал черный автомобиль с погашенными фарами. Впрочем, даже при всем желании женщина едва ли смогла бы разглядеть в дождливой мгле то, что происходит снаружи. Обогнав трамвай, машина сбавила скорость, и теперь расстояние между ними не превышало двадцати метров. На одной из остановок она притормозила, выпуская наружу человека, который мгновенно растворился во тьме.

Меньше чем через минуту на этом же месте сделал остановку трамвай, и женщина вышла наружу, зашагав в сторону Виландштрассе.

Неприметный человек тут же материализовался из вечерней мглы, как призрак. Держась позади, он шел по другой стороне улицы, не сводя глаз с женщины.

И шел до тех пор, пока она не скрылась в одном из домов.

Утром следующего дня начальнику следственного отдела гестапо было вручено срочное донесение. В нем указы-

валось, что в результате негласного наблюдения за Ильзе Штебе, сотрудницей химического концерна, ничего подозрительного не выявлено. В этот же день был подписан ордер на арест Штебе. Следователи гестапо рассчитывали получить нужные сведения в кабинете.

12 сентября 1942 года. Берлин

Прерванная помолвка

В одном из домов германской столицы, расположенном в районе Шарлоттенбург, до нынешней поры пребывающем в тихом полусонном состоянии, в этот день царило непривычное оживление. Поводом для этого было торжественное мероприятие – помолвка. Да, страна находилась в состоянии жесточайшей войны, и это самым кардинальным образом сказывалось на рядовых немцах. Да, политика фюрера, постепенно скатывающегося в пучину безумия, вызывала все меньше и меньше восторга даже у его фанатично преданных почитателей, потому что тотальная слежка и постоянное «закручивание гаек» никогда не способствовали успешному развитию и процветанию государства. Но жизнь продолжалась, и несмотря ни на что в этот солнечный сентябрьский день Ильзе Штебе решила объявить помолвку со своим возлюбленным Карлом Хельфрихом. Это радостное событие молодая пара решила отметить в узком кругу на съемной квартире, в которой проживала Ильзе.

Она стояла у окна, молча глядя на лазурное небо, по которому неспешно плыли белые облака. Карл тихо подошел сзади, нежно приобняв невесту.

– В этом году сентябрь выдался такой прохладный, – про-

говорила Ильзе, прижимаясь к нему. – Еще пару дней назад я куталась в пальто... А теперь взгляни, какое солнце! Как будто специально, под заказ, на нашу помолвку!

Карл улыбнулся и поцеловал ее в шею.

– Знаешь, – медленно проговорила Ильзе. – Из-за этой работы я совершенно перестала обращать внимание на такие приятные мелочи... А ведь они совсем рядом, только руку протяни! Яркое солнце, чистое небо... Что еще нужно для поднятия настроения? Ведь, в сущности, человеку для счастья нужно не так уж и много.

Она повернулась к жениху, и они посмотрели друг другу в глаза.

– Да, что касается работы, – сказал Карл, и в его голосе проскользнули беспокойные нотки. – Мне кажется, тебе нужно немного сбавить обороты, милая. Я заметил, как ты похудела и даже немного осунулась.

Ильзе заставила себя улынуться:

– Ничего. Набрать вес куда проще, чем его скинуть.

– А еще я вижу тревогу в твоих глазах.

Уголки губ женщины опустились, и она мягко отстранилась от жениха.

– И ничего-то от тебя не утаишь, – со вздохом произнесла Ильзе. – Что ж, нужно быть готовой к тому, что любимые люди могут читать друг друга как книгу. Но на твой вопрос у меня нет ответа. Мне просто неспокойно на душе, и я не могу найти этому объяснения.

Помолчав, она добавила:

– Карл, я сегодня видела странный сон. Как будто мы все вместе стоим перед огромным длинным мостом. Позади – чудесный сад, где растут сладкие фрукты и всегда светит солнце. Впереди, за мостом, – непроглядный мрак, где изредка грохочет гром и сверкают молнии. Вокруг мои родные и близкие, все, кого я давно знаю... И я вдруг отчетливо понимаю, что мне нужно встать на этот мост и перейти его!

Карл внимательно слушал невесту, замороженно глядя в ее блестящие серые глаза.

– Все мои друзья пытаются меня отговорить, – продолжала Ильзе. – Мама даже схватила меня за руку, но я вырвалась. Я понимала, что должна пройти по мосту! Это даже не было выбором, я чувствовала, что это мое предназначение! Все мое естество кричало об этом!

– И что же было дальше? – тихо спросил Карл.

– Я взошла на мост. За спиной я слышала ваши голоса, они были преисполнены тревоги и даже страха. С той стороны, куда я должна была пойти, повеяло гарью и дымом... Но я сделала первый шаг. Потом второй. Вскоре к гари добавился запах оружейного масла и крови... Меня окутал густой туман, и я почти ничего не видела... И...

Она умолкла, беспомощно глядя на Карла.

– Я услышала резкий оклик, вроде военной команды. Грубый мужской голос. Я мгновенно проснулась, но обрывки этого неприятного сна до сих пор у меня перед глазами. И

я подумала – а вдруг вся моя жизнь и есть путь по этому мосту? Откуда несет дымом и кровью?!

– Дорогая, – сказал Карл. – Я думаю, этот сон навеян непрекращающимися сводками с фронта. Ты постоянно думаешь об этом, вот и вся причина... На мой взгляд, не нужно искать здесь каких-то глубинных смыслов.

Ильзе уже намеревалась что-то ответить, как в комнату стремительно вошел молодой светловолосый мужчина, держащий в руке охапку белоснежных астр. Увидев влюбленных, он расплылся в улыбке.

– Ильзе, сестренка! Надеюсь, я не опоздал?

Обняв женщину, он вручил ей ароматный букет.

– Это самые прекрасные астры, Курт, – искренне проговорила Ильзе, вдыхая аромат цветов. – Я так рада, что ты пришел!

– Как я мог пропустить такое торжественное событие? – возмутился Курт, пожимая руку Карлу. – Ведь не каждый день моя сестра собирается выходить замуж! Могу я сделать тебе комплимент? Ты просто великолепная в этом платье, в нем ты поразительно похожа на Бригитту Хельм!³

– Я польщена, что меня сравнивают с кинозвездой, – краем рта улыбнулась Ильзе. – Спасибо, Курт. Как поживаешь? Есть какие-то новости, заслуживающие внимания?

Он пожал плечами и убрал с плеча коричневого пиджака

³ Немецкая киноактриса, снявшаяся в таких фильмах, как «Метрополис», «Деньги», «Графиня Монте-Кристо» и др.

ворсинку.

– Все новости последних месяцев крутятся вокруг обстановки на фронте. И они не так уж оптимистичны для германских властей. Под Сталинградом на Восточном фронте все еще идут ожесточенные бои. Этот русский город дивизиям вермахта явно не по зубам. Конечно, Гитлер брызжет слюной, обещая уничтожить Сталинград и выйти к Волге. Но понимающие люди видят, что все это пустые слова, не более чем ветер. Очевидно, что скоро грядет серьезный перелом в войне. И он будет не в пользу этого кровавого палача...

– Кто-то должен остановить Гитлера, – сказала Ильзе. – И я всем сердцем чувствую, что это будут советские войска.

– В британской газете была свежая статья, что буквально вчера карательными отрядами СС была сожжена деревня Дремлево, – подал голос Карл. – Вместе с детьми, женщинами и стариками. Геббельс в присущей ему манере назвал эту статью провокацией, а совершенные нацистами зверства, по его мнению, было не что иное, как военная операция по зачистке опасных районов...

– О чем ты говоришь, Карл, – махнул рукой Курт. – Геббельс – это еще тот гнусный тип. Даже если на его глазах гестаповцы будут резать человека, он обязательно найдет повод для оправдания насилия. Ты говоришь о сожженной деревне. А как тебе такая новость? В начале месяца в одной из оккупированных станиц Сталинградской области зондеркомандой были расстреляны почти пятьдесят воспитанников

детского дома! Детям было от трех до двенадцати лет! Самые маленьких и наиболее слабых попросту закопали в землю, чтобы не тратить на них пули! ⁴

– Звери, – прошептала Ильзе, и ее красивые пальцы произвольно сжались в кулаки. – Хотя нет, эти нелюди, сотворившие такое, хуже зверей! Звери убивают, лишь когда обороняются либо испытывают голод!

– Ильзе! – вдруг раздался женский голос из гостиной, и она глубоко вздохнула. Переложив букет в другую руку, Ильзе обвела взглядом мужа и брата:

– Мама зовет. Оставляю вас наедине, не против?

Курт усмехнулся:

– Мы как-нибудь попытаемся найти общие темы с твоим мужем. Верно, Карл?

Тот лишь снисходительно кивнул.

Когда Ильзе вошла в комнату, ее мать, Фрида Штебе, заканчивала сервировать стол.

– Прости, что не помогла тебе, – сказала Ильзе. – Я сегодня весь день не своя...

– Все в порядке, – тепло отозвалась Фрида. – Мне совершенно несложно. В конце концов, у тебя сегодня праздник, так что позволь часть забот взять на себя. Тем более, как я

⁴ Курт говорит о расстреле 2 сентября 1942 г. воспитанников Нижне-Чирского детского дома для умственно отсталых детей. Всего от рук фашистов погибло 47 детей. По данному факту было проведено следствие, и один из соучастников данного преступления решением военного трибунала 4-го Украинского фронта был приговорен к смертной казни.

сказала, это не составило большого труда.

Ильзе оглядела заставленный блюдами стол. Учитывая, что покупка продуктов питания в Германии с начала военных действий осуществлялась исключительно по талонам, а приобрести что-то вкусное и изысканное на черном рынке мог позволить себе далеко не каждый, расставленные на столе угощения могли бы порадовать самого привередливого немца-гурмана.

В центре располагалось громадное блюдо, на котором остывал только что вынутый из духовки гусь, обложенный жареным картофелем. Свежие овощи, тушеная фасоль с мясом, ветчина с сыром, бутерброды с сардинами... рядом с гусем гордо высилась небольшая миска, наполненная маринованными устрицами. Их, не удержавшись, приобрела Ильзе у одного перекупщика, заплатив за них немалые деньги.

– У меня тоже для тебя есть маленький сюрприз, – сказала Фрида, поставив на угол стола небольшую жестяную коробочку. – Открой и посмотри.

Снедаемая любопытством Ильзе сняла крышку с коробочки и взглянула внутрь.

– О боги, – пробормотала она, потянув тонкими ноздрями. – Неужели кофе? Настоящий черный кофе?

– Именно так, – подтвердила Фрида. – Я подумала, что мы очень давно не пили настоящий кофе.

– Но ведь его сейчас почти нигде не найдешь!

– Ищущий да найдет.

Ильзе обняла мать. Отстранилась, ласково поправив воротник на ее платье.

– Как ты себя чувствуешь, дочка? – озабоченно спросила Фрида. – Ты выглядишь немного бледной.

– Почки снова беспокоят, – призналась Ильзе, усаживаясь на стул. – Но это ерунда.

– Нельзя говорить о здоровье как о ерунде, – возразила мать. – Ты совсем не заботишься о себе, дочка. Так нельзя.

– В августе я была в Карлсбаде, где принимала специальные ванны по рекомендации врача. Мне стало легче... Правда, только на некоторое время.

– Я не помешал? – спросил Курт, заходя в гостиную. Его глаза расширились, когда он увидел заставленный яствами стол. – Когда это вы все успели, мои любимые женщины? А запахи просто изумительные, у меня уже рот наполнился слюной!

– Мы ждем моих приятелей, Гретту и ее мужа Йохана, – сказала Ильзе и посмотрела на старинные напольные часы, стоявшие у окна. – Они должны подойти с минуты на минуту.

– Может, пока по бокалу вина? – предложил Курт, потянувшись к бутылке из темного стекла.

Когда в комнату вошел Карл, все бокалы были наполнены.

– Дорогие дети... – заговорила Фрида, и голос женщины дрогнул от волнения. – Я от всего сердца желаю вам счастья. Я желаю, чтобы вы прожили долгую прекрасную жизнь...

Без войны, под мирным ясным небом.

Послышался звон бокалов.

– Отличный тост, мама, – улыбнулась Ильза. Она хотела добавить что-то еще, как послышался резкий стук в дверь.

Ильзе обменялась взглядами с Карлом.

– Если это твои друзья, – осторожно начал он, поднимаясь из-за стола, – то мне показалось...

– Гретта и Йохан не стали бы так стучать, – мягко прервала его Ильзе и тоже встала. – Я открою.

Пока она шла в прихожую, стук раздался снова, на этот раз более громкий и настойчивый – казалось, в этот раз в дверь долбили уже ногами.

– Кто это? – спросила она. Одно короткое слово, прозвучавшее в ответ, заставило ее сердце сжаться в комок:

– Гестапо.

В памяти мелькнуло ночное видение, словно пожелтевшая от времени фотография, – старый жуткий мост, окутанный смрадным дымом.

– Откройте! – рявкнули снаружи, и Ильзе повернула ключ в замке.

Дверь распахнулась, и взору женщины предстали трое рослых мужчин в темно-серой униформе гестапо. За их широкими спинами Ильзе разглядела хозяйку квартиры, ее бледное лицо напоминало бесформенное пятно с дырами вместо глаз. Было видно, что женщина смертельно напугана.

«И наверняка уже прокликает себя за то, что сдала мне

свою квартиру», – пронеслось в мозгу Ильзе.

Старший офицер, мужчина лет сорока с грубым обветренным лицом, шагнул вперед, буквально вталкивая невесту внутрь квартиры.

– Ильзе Штебе? – без предисловий спросил он, указав на нее пальцем, как будто кроме Ильзе в прихожей был кто-то еще.

– Да, – ответила она.

– Вы одна в доме? – задал очередной вопрос гестаповец.

– Нет, со мной мой жених и родные.

Грохоча сапогами, полицейские бесцеремонно втолкнули ее обратно в комнату, где сидели гости.

– Всем приготовить документы для проверки, – приказал офицер, встав напротив праздничного стола. Презрительно взглянул на тарелку с устрицами и обронил: – Роскошно живете, фрау Штебе. В то время как наша страна испытывает трудности с продовольственными товарами, экономя на всем, вы закатываете пир!

– И я имею полное право на это, – с достоинством ответила Ильзе. – Тем более для этого есть повод – сегодня у меня помолвка с моим будущим мужем.

– Вы собираетесь замуж? – переспросил гестаповец и ухмыльнулся. – Как мы вовремя подросли!

Пока шла проверка документов, Ильзе подошла к матери и положила ей на плечо руку:

– Пожалуйста, не волнуйся, мама. Я уверена, что это ка-

кая-то ошибка.

Спустя несколько минут полицейские вернули гостям документы.

– Все в порядке, – доложил офицеру один из подчиненных. По его недовольному лицу было ясно, что он рассчитывал на другой результат, послуживший бы поводом для задержания всех присутствующих в доме.

– Можете быть свободны, – распорядился старший группы. Видя, что никто сидящий за столом даже не шелохнулся, он гаркнул: – Вон!

– Курт, пожалуйста, проводи маму домой, – попросила Ильзе, и тот кивнул.

– Вы тоже останьтесь, – неожиданно сказал гестаповец, вперив свой колючий взгляд в Карла.

– Хорошо, – послушно произнес Карл. – Только не совсем понятна причина столь неожиданного... визита.

– Начинайте обыск, – велел офицер и в упор посмотрел на Карла. – Слышали поговорку: «Жена да муж – змея да уж»? Карл вежливо покачал головой.

– Мне вас жаль, – холодно сказал гестаповец. – Неужели вы еще не поняли, что собирались взять в жены дьяволицу?

– Прекратите эти оскорбления, – возмутилась Ильзе. – Объясните, что вы ищете? На каком основании ворвались в дом? Прогнали моих гостей? Я начальник бюро одного из крупнейших химических концернов! Если у вас есть какие-то обвинения против меня, то предъявите их!

– Они обязательно будут, – процедил офицер и словно невзначай задел рукой бутылку вина, которая тут же полетела вниз. От удара об пол она разлетелась вдребезги, быстро образовав багровое озеро.

Обыск длился не более получаса, но Ильзе почудилось, что пронеслись столетия. Все это время, пока нацисты копались в ее вещах, вываливая содержимое шкафов и комода прямо на пол, она неотрывно смотрела на Карла. По виску ее жениха струилась тоненькая дорожка пота.

«Все должно быть хорошо, – мысленно твердила Ильзе. – В квартире нет ничего такого, что могло бы вызвать подозрение или скомпрометировать меня...»

Обыск действительно ничего не дал, и полицейские не скрывали своего разочарования. Разгоряченные и обозленные, они намеренно портили вещи – распарывали ножом подушки, с «мясом» вырывали дверцы шкафчиков, швыряли посуду на пол, топчась по ней сапогами...

– Вы удовлетворены? – спросила Ильзе, с трудом скрывая свое негодование. Страх куда-то испарился, теперь в ней все кипело от гнева к этим троиим громилам в серой форме. – Или будете ломать полы?

– Я обойдусь без ваших советов, – высокомерно отозвался офицер. – То, что вы не храните запрещенные предметы, ровным счетом ни на что не влияет. Одевайтесь, да поскорее. Вас это тоже касается, герр Хельфрих.

Карл поднялся со стула, с тревогой глядя на Ильзе.

– Мы арестованы? – спросила Ильзе. – На каком основании, позвольте узнать?

– Все по закону, фройляйн Штебе, – произнес гестаповец. – Вы и Карл Хельффрих задержаны в соответствии с имперским декретом «О защите народа и государства». Вам также будут предъявлены обвинения в пособничестве врагам Германии.

– Это какой-то абсурд, недоразумение, – покачала она головой и, приблизившись к зеркалу, как ни в чем не бывало поправила прическу. Только после этого Ильзе сняла с крючка свое пальто и накинула его на плечи.

– Стоять! – приказал старший группы, когда Ильзе уже шагнула к выходу. – Наручники! Обоим!

Один из гестаповцев с готовностью кинулся исполнять распоряжение, и вскоре руки возлюбленных были закованы в стальные «браслеты».

Уже на улице, когда Ильзе и Карла вели к машине, они столкнулись с опоздавшей парой. Гретта держала в руке букет гладиолусов, а Йохан – сумку с подарками для жениха и невесты. Когда они завидели странную процессию в сопровождении сотрудников гестапо, их лица вытянулись от изумления. Гретта уже хотела что-то спросить, но Йохан вовремя толкнул ее в бок. Ильзе печально улыбнулась гостям, и губы ее беззвучно шевельнулись:

«Простите, друзья»

– Поторапливайся! – зашипел офицер и с силой толкнул

ее в спину, отчего Ильзе едва не упала.

«Простите, что так вышло, – уже мысленно повторила она. – Я вступила на свой мост. И должна пройти его до конца».

В тот же день. Берлин

Штаб-квартира гестапо

Всю дорогу гестаповцы хранили зловещее молчание, и попытки Ильзе прояснить причину ареста были бесплодными. С таким же успехом она могла обратиться с вопросом к фонарным столбам или к воздуху. Карла везли в другой машине, и Штебе могла только догадываться о дальнейшей судьбе своего жениха.

Отпустят ли Карла? Ведь он, по сути, только-только начал помогать Ильзе в ее основной работе, которую она тщательно скрывала от кого бы то ни было. Даже если в гестапо его начнут допрашивать, едва ли он сможет выдать нужную им информацию. То, что желали получить эти мрачные люди в серых мундирах и с ледяными глазами, надежно хранилось только в мозгу Ильзе. И она будет делать все возможное, чтобы ей хватило мужества и выдержки и дальше сохранить все в тайне. Никто не должен подобрать ключик к той информации, которой она обладала. Иначе пострадают все те, кому Ильзе безгранично доверяла и даже любила.

Автомобиль замедлил ход, и она посмотрела в окно. Они проезжали Принц-Альбрехт-штрассе ⁵, дом 8, где располага-

⁵ Называлась до 1951 г., ныне – Нидеркирхнерштрассе (в честь Кете Нидеркирхнер, участницы сопротивления нацистскому режиму). Сейчас на этом ме-

лось главное здание штаб-квартиры гестапо.

Миновав высокие черные ворота, автомобиль завернул во внутренний двор, остановившись рядом с невзрачным двухэтажным зданием, узенькие окошки которого были закрыты решетками.

– Вылезайте, – бросил офицер Ильзе, открывая дверь.

Исполнить этот приказ со скованными руками было непросто, учитывая, что на плечах Штебе было пальто, которое успел накинуть на нее Карл. Пока она выбиралась наружу, пальто соскользнуло вниз, упав прямо в лужу. Но едва Ильзе наклонилась, чтобы подобрать его, гестаповец с сардонической улыбкой наступил на него сапогом.

– Оно вам больше не потребуется, – заявил он, толкая арестованную вперед.

– Зачем тогда вы велели мне одеться, когда я была в доме? – заметила Ильзе, но ответом ее не удостоили.

Позади остановился черный «Мерседес-бенц», из которого вытолкали Карла. Бледный и помятый, он успел перехватить пронзительный взгляд Ильзе, в котором отразилась вся гамма чувств, переполнявших его невесту, – безграничная любовь, грусть, тревога и... едва заметный проблеск надежды.

«Я люблю тебя», – прочел Карл по губам Ильзе и сглотнул вязкий комок, который застрял в горле с того самого момен-

сте располагаются мемориал «Топография террора» и музей, посвященный преступлениям нацизма.

та, когда гестаповцы ворвались в квартиру.

После того как Ильзе обыскали, ее отправили в одиночную камеру, расположенную в полуподвальном помещении. Было ли так специально задумано или нет, но единственное окно в ней оказалось наглухо заколочено досками, отчего внутри постоянно царил гнетущий полумрак. Тусклая лампочка под самым потолком была забрана в металлическую сетку и едва мерцала, привлекая внимание одинокого мотылька, непонятно каким образом очутившегося в этих стылых застенках.

Новое обиталище Ильзе представляло собой крохотную каморку с цементным полом и серыми стенами, которые были насквозь пропитаны затхлым воздухом. Кроме вмонтированной в пол железной кровати, покрытой заплесневелым тряпьем, внутри больше ничего не было. В качестве отхожего места в углу стояло обычное ведро, которое менялось раз в день.

Ильзе села на койку. Внутри, словно ядовитый цветок, быстро разрастались лепестки паники, заставляя смерзаться кровь в сосудах. Глаза повлажнели, и она торопливо вытерла их. Те, кто придет за ней, чтобы отвести на допрос, не должны видеть слезы. Она выдержит.

«По крайней мере, я верю в то, что я выдержу, – подумала Ильзе. – Но вот что будет с Карлом?! Он ведь совершенно ни при чем! А вдруг его будут пытаться?!»

Штебе не питала особых иллюзий насчет своей участи и

мысленно готовилась к худшему. Тот, кто оказался в застенках гестапо, вряд ли уже вернется обратно. А если и вернется, этот человек уже никогда не будет тем, кем он был до ареста. Ильзе вспомнила едкие слова офицера о том, что пальто ей больше не понадобится, и вздохнула.

Где она могла проколоться?!

И прокололась ли вообще? А может, взяли кого-то из ее агентов, и тот под пытками выдал информацию о ней?

«Ведь обыск у меня дома ничего не дал, – размышляла она. – Но нас все равно арестовали. Значит, какая-то информация у тайной полиции на меня все же есть...»

Перед тем как отправить Ильзе в камеру, надзиратель обыскал ее. Он забрал часы и браслет с кольцом, но почему-то не обратил внимания на золотую цепочку на шее задержанной. Улучив момент, первым делом Ильзе сняла ее, спрятав в чулок.

Она не знала, сколько прошло времени, так как в камере тоже часов не было. Но почему-то Ильзе полагала, что ее допрос состоится немедленно. Иначе зачем срывать праздничное мероприятие, выгоняя всех гостей и притаскивая ее сюда вместе с Карлом?!

Впрочем, задержке с допросом могло быть объяснение. Штебе как-то слышала про подобный прием следствия – арестованных специально держали в неведении, чтобы сломить их психологически. Спустя пару суток нахождения в камере арестант как личность будет морально раздавлен. А если его

еще лишить воды и пищи, то он подпишет что угодно, хоть признается в покушении на самого Гитлера...

А может, прошло всего несколько минут?

Как бы то ни было, Ильзе будет думать о хорошем. Однажды мама ей сказала, что все, что происходит с людьми, задумано небесами. Ничего просто так не случается. Иными словами, Бог не по силам испытаний не дает. Значит, ей суждено пройти испытание, которое уготовила ей судьба.

«Это мой мост. И я пройду его полностью, до конца».

Стресс и переживания за Карла настолько измотали Ильзе, что она прилегла на жесткую койку, прикрыв веки.

Она вспоминала молодость. Свои первые дни в издательстве «Берлинер Тагеблатт» ⁶, где она встретила Рудольфа Гернштадта, свою первую любовь. И если бы не крутые повороты судьбы, а также сложившаяся обстановка в Германии, сегодня за праздничным столом вместо Карла сидел бы он...

⁶ Ежедневная газета, выпускавшаяся в Берлине в период с 1872 по 1939 г. Считалась либеральной газетой этого времени, отражающей настроения торговой буржуазии. Главным редактором газеты являлся известный публицист Теодор Вольф, благодаря которому газета заняла важное место в общественно-политической жизни Германии. В 1939 г. была закрыта по решению нацистских властей.

1930-е годы. Германия

Рудольф Гернштадт

В те далекие годы ей казалось, что все дороги жизни перед ней открыты, стоило лишь сделать правильный выбор. Ильзе тогда едва исполнилось двадцать два года, но она активно интересовалась политикой, состояла в группе революционной немецкой молодежи и была преисполнена дерзких и амбициозных планов.

Найти подходящую работу в то непредсказуемое и тревожное время, когда шло неуклонное сокращение промышленного производства и уровень безработицы только на официальном уровне достигал четырех с половиной миллионов граждан, было весьма непросто. Но Ильзе это удалось – ее взяли в крупнейшую газету либеральной направленности «Берлинер Тагеблатт» на должность секретаря главного редактора, кресло которого занимал Теодор Вольф, выдающийся писатель и критик.

Следовало отметить, что воскресные передовицы этой газеты пользовались огромным успехом у читателей не только в Германии, но и в других европейских странах. «Берлинер Тагеблатт» с удовольствием читали как дипломаты и политические деятели, так и промышленники, и даже военные. Вольф пользовался заслуженным авторитетом среди редак-

торов других газет и журналистов.

Впоследствии между Ильзе и Вольфом сложились прекрасные рабочие отношения, и главный редактор часто помогал своему юному секретарю в трудные минуты.

Ежедневные обязанности Штебе были несложными и однообразными, и со временем девушка начала понимать, что ей нужно что-то иное, где можно проявить себя творчески, а не сидеть на одном стуле, выполняя надоевшую механическую работу.

Ее размеренная и спокойная жизнь была внезапно нарушена, когда она встретила Рудольфа Гернштадта – корреспондента и экономического обозревателя газеты. Увидев его впервые в коридоре издательства, Ильзе невольно проводила молодого мужчину любопытным взглядом, и это было неудивительно. Высокий, широкоплечий и статный, с густой шапкой волос и волевым лицом, он нередко заставлял учащенно биться сердца у представительниц прекрасного пола.

Он и Ильзе быстро познакомились, и они не скрывали взаимных симпатий друг к другу, хотя Рудольф был старше ее на восемь лет. У них нашлось много общего, включая единство в политических взглядах, что в конечном счете окончательно определило дальнейшую судьбу Ильзе.

Рудольф родился в Верхнесилезском промышленном округе, в городе Глейвиц. Его отец был успешным адвокатом, а семья имела еврейские корни из мелкой буржуазии.

Окончив гуманитарную гимназию, Рудольф отправился на учебу в Берлин. Его отец мечтал, чтобы Рудольф занялся юриспруденцией и пошел по его стопам, построив карьеру адвоката.

Но молодой и амбициозный Гернштадт продержался в университете всего один год. Он не связывал свое будущее с адвокатской деятельностью, из-за чего раздосадованный отец отправил своего упрямого сына в Краппитцу, где Рудольф учился и работал в качестве бухгалтера-кассира на заводе.

Общение с рабочими показало, насколько остро в то время стояли социальные вопросы трудящихся. Молодой Гернштадт пытался разобраться в причинах проблем, беспокоивших простых немцев, при этом активно участвуя в различных рабочих движениях. С этого момента Рудольф начал проявлять интерес к журналистике, где впоследствии достиг значительных успехов.

Устроившись в газету «Берлинер Тагеблатт», он успешно выдержал испытательный срок и стал полноценным работником редакции. Рудольф не скрывал своих коммунистических убеждений, его умение дискутировать, оперируя неопровержимыми аргументами и историческими фактами, а также доказывать свою точку зрения очаровало молодую Ильзе.

Тогда она еще не знала, что Рудольф работает на советскую разведку, хотя изредка он просил ее составить ка-

кой-нибудь материал якобы для очередной статьи. К поручениям нового друга Штебе подходила с максимальной ответственностью, выполняя их в кратчайшие сроки.

Ильзе прекрасно помнила тот теплый майский вечер, когда Рудольф позвал ее на прогулку.

– Хочу на Музейный остров ⁷, – заявила она, обрадовавшись предложению. – Ты ведь не против?

– Конечно, нет, – улыбнулся Рудольф. – Мы можем потом прогуляться по набережной Шпрее.

Они шли, держась за руки, словно влюбленные подростки, а весенний ветер трепал их волосы, ласково обдувая радостные лица.

Некоторое время Рудольф рассказывал об образовании Музейного острова и о Дворцовом мосте ⁸. Затем тема разговора как-то незаметно перешла на политику, и лица молодых людей стали серьезными.

Вдосталь нагулявшись, они остановились на Дворцовом мосту, глядя сверху на темную воду Шпрее. Ильзе и Рудольф просто стояли, наслаждаясь близостью друг друга, по-

⁷ Музейный комплекс в северной части острова Шпрее в историческом центре Берлина. Построен в 1830 г., в 1999 г. внесен в список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО.

⁸ Мост через канал Шпрее в восточном конце Унтер-ден-Линден в центре Берлина является памятником архитектуры и соединяет исторические районы Фридрихсвердер и Шпрееинзель. Построен в 1820-х годах по проекту Карла Фридриха Шинкеля.

том Штебе внезапно спросила:

– Ты ведь что-то хотел сказать мне, Руди?

– Я?

– Конечно. Я ведь чувствую это по твоим глазам. Все эти беседы об экономическом подъеме – лишь ширма, за которой у тебя приготовлен какой-то особый разговор. Я не права?

Рудольф рассеянно провел рукой по волосам, словно пытаясь их пригладить из-за усилившегося ветра.

– Ты необычайно проницательна, Ильзе, – сказал он, приобняв девушку. На губах Рудольфа была улыбка, но в глазах при этом читалась напряженная сосредоточенность. – Ничего-то от тебя не скроешь!

– Наверное, сейчас самое время, – произнесла она. – Я тебя внимательно слушаю, милый.

Рудольф откашлялся, словно все еще решал, стоит ли заводить этот разговор, на подготовку к которому у него ушло несколько дней.

– Ты умная девушка, Ильзе. И, наверное, уже догадываешься, что моя деятельность в издательстве не ограничивается исключительно работой в газете. Я хочу тебе кое-что рассказать о себе... И возможно, что после этого ты изменишь обо мне свое представление. А может быть, ты соединишься ко мне, на что я, признаться, очень рассчитываю...

Ильзе слушала его, впитывая каждое слово. Она знала

о работе различных коммунистических движений и была уверена, что Рудольф, как ярый приверженец марксистских идей, попросит ее о каком-то новом поручении. Но когда он, не меняя выражения лица, сообщил ей о том, что работает на советскую разведку и что у него есть свой позывной «Арбин», Ильзе на мгновенье растерялась.

– Это... слишком неожиданно даже для меня, – сказала она, когда секундное замешательство прошло. – Хотя у меня были определенные догадки, которые я держала при себе и ждала, что ты сам заговоришь об этом...

– Ты шокирована? – спросил Рудольф, испытующе глядя в глаза любимой. В эту минуту решалось буквально все, и теперь от согласия (или отказа) Ильзе зависела их дальнейшая судьба.

– Я очень рада, что ты поделился своим секретом со мной, – наконец промолвила Штебе. – Это означает, что ты мне полностью доверяешь.

– Я давно знаю тебя, Ильзе. И ты права, я доверяю тебе так же, как самому себе. В этой связи я хочу тебе предложить немного больше, чем участвовать в забастовках рабочих и редактировать статьи в газете. Как ты понимаешь, всякая работа продвигается лучше, когда у тебя есть толковые помощники. И как раз одна из них сейчас стоит прямо напротив меня.

Тонко очерченные брови Ильзе взметнулись вверх:

– Ты предлагаешь мне добывать информацию для воен-

ной разведки СССР?

– Почему бы нет? Все данные для этого у тебя есть. Ты умна, энергична, целеустремленна, инициативна. У тебя потрясающая хватка и высокая трудоспособность. Ты умеешь анализировать информацию и делать по ней выводы. А еще ты легкообучаема, что в нашей работе играет важную роль. Но самое главное – тобою движет идея, а не какие-то корыстные интересы. Я ведь вижу, как ты переживаешь за нашу страну. А этот фактор является главенствующим в нашей работе. Из тебя выйдет отличный агент! Если ты согласишься, тебя ждут поездки за границу. Вена, Чехословакия, Польша...

Рудольф умолк, видя, как лоб девушки прорезала складка.

– Я вижу, что ты сомневаешься, – заметил он.

– Буду с тобой откровенна, – кивнула Ильзе. – Мне вдруг пришла в голову простая мысль. Ты сказал, что, по твоим прогнозам, к власти рано или поздно придет Гитлер.

– Несомненно.

– А раз так, то он обязательно развяжет новую войну, как реванш за проигрыш и унижительное поражение в Первой мировой... Идеи отыграться за эту неудачу очень сильны среди немцев. Известно и то, что одни из потенциальных врагов Германии – русские. Пусть будет, как ты предполагаешь, и война с Советским Союзом все-таки состоится. И если русские победят – а все условия для этого есть, они очень сильная нация! – страна, которую я безмерно люблю,

окажется в руинах. Получается, я предам Германию. Что ты скажешь на это?

С губ Рудольф сорвался вздох. Судя по всему, он ожидал этого вопроса, но ответил не сразу.

– Мне понятны твои сомнения, Ильзе, – наконец заговорил он. – Позволь мне привести тебе простой пример, чтобы было понятней. Представь, что в твоём доме завелись крысы. Огромные отвратительные твари и вечно голодные к тому же. Они грызут все подряд – вещи, еду, мебель... Эти бес-тии начинают совершать набеги на соседние дома. Начинают страдать другие люди. И вот на соседней улице живет очень сильный и крепкий парень, который не боится крыс. Он говорит: «Я тебе помогу. Но у меня два способа. Первый – я сжигаю ваш дом. Тогда мы уничтожим все и тебе придется строить новое жилище. Второй – ты покажешь, где они прячутся, и мы кинем туда отраву. Тогда сдохнут только крысы, а дом останется в целостности и сохранности».

Рудольф перевел дыхание и продолжил:

– Первый способ – это то, о чем говорила ты. Второй – то, чем занимаюсь я. Нам нужна помощь крупной и сильной страны, чтобы они выжгли каленым железом этих крыс, которые хотят вовлечь Германию в хаос и смертоубийственную войну. Мы должны действовать на упреждение. Чтобы иметь перевес в силе в этой борьбе, нужны сильные союзники. И, как мне представляется, только СССР, как страна, где победили марксистские идеи, где рабочие и крестьяне са-

ми управляют государством, сможет справиться с этой задачей. Как только к власти придет Гитлер, начнется новая война, еще более ужасная и кровопролитная. Знаешь, что изрек Гитлер в своем манифесте «Моя борьба»? «Политика, целью которой не является война, не имеет ни цены, ни смысла»! Как ты считаешь, может такое заявить здравомыслящий политик? Когда он ответственен за миллионы мирных граждан своей страны?

Я помню и другие строки этого так называемого творения. Дословно не процитирую, но смысл заключается в том, что нужно переходить к политике завоеваний новых земель в Европе. А если следовать этому курсу, то это может быть достигнуто исключительно за счет России. Вопрос не стоит «да или нет» войне, Ильзе. Главный вопрос – когда?!

Я внимательно слежу за политикой. Европейские страны не смогут дать отпор Гитлеру, они слишком слабы и разрозненны. Америка от нас далеко, никто не полезет воевать за океан. Россия же рядом. Эта огромная страна богата недрами и природными ископаемыми, там необычайно плодородная земля. А что касается руин от Германии, которые могут остаться в результате войны... Я думаю, ты заблуждаешься. И хотя многие считают русских варварами, это не так. Не будет никаких руин, русские не такие. Они могли бы уничтожить Францию после поражения Наполеона, но не сделали этого. Они выигрывали множество войн в истории и всегда вели себя благородно по отношению к поверженному

противнику. Когда это все-таки произойдет, русские не станут громить и разрушать нашу страну. Наоборот, они помогут немецкому рабочему движению взять управление страной в свои руки, чтобы установить в Германии справедливую и мирную власть. Я хочу, чтобы ты усвоила простую истину: мы боремся против режима, который вот-вот захватит власть в нашей стране. Только против него, а не с рядовыми немцами.

Он хотел добавить что-то еще, но Ильзе его опередила.

– Я согласна, – тихо сказала она, обнимая возлюбленного.

Сильный порыв ветра взъерошил волосы молодых людей, но они не обращали внимания на капризы природы. В этот день Ильзе сделала свой выбор, который в конечном счете стал самой главной целью в ее жизни.

Конечно, не считая желания обрести семью.

Они все еще надеялись, что смогут быть вместе, но суровая реальность внесла свои коррективы в жизнь влюбленных.

14 сентября 1942 года. Берлин В тюрьме. Следователь Хабеккер

Часы тянулись, словно липкий сироп, который еле-еле сочился из бездонной банки. Из-за того, что окно было заколочено, Ильзе потеряла счет времени и могла только догадываться, какое сейчас время суток.

В туалетную комнату тюремный вахтман выводил ее всего два раза, из чего она сделала вывод, что прошло два дня. Вряд ли надзиратели проявили к ней милосердие, выводя из камеры чаще, чем того требовал и без того жесткий регламент гестаповской тюрьмы. Впрочем, у Ильзе были большие сомнения, что гестаповцы четко следовали прописанным в инструкциях правилам. Изредка ей приходилось слышать истошные крики в коридоре – похоже, кто-то из заключенных оказался несговорчивым.

Несколько раз приносили еду, хотя назвать едой мутную жижу, в которой плавали ошметки почерневшей капусты, было весьма сложно. Однажды дали кусок хлеба. По своей черствости эта жалкая корка напоминала камень, ею можно было нацарапать свои инициалы на стене камеры. Ильзе аккуратно сгрызла хлеб, стараясь не потерять ни одной крошки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.